

с'езд в Києве в начале ноября 1917 года: „Приветствую вас, братья казаки, — говорил он... Мы, чехи, привыкли считать казаков дровьями чехословацкого народа... Я не шовинист, но мы, чехи, воюем за свою независимость... Я счастлив, что, возвратясь на родину, смогу сказать своим землякам: Мне выпало на долю счастье от души и по душам говорить с казаками“...

Немного позже, обсуждая вопрос будущего чехословацкой армии и ища союзников, проф. Масарик имел в виду военное сотрудничество с казачеством. Цитированный уже выше чешский мемуарист этого времени, д-р Куделя, так передает его мысли по этому поводу: „Наверное и с казаками, на основании взаимной симпатии между ними и нашими солдатами, возможно согласование или в каждом отдельном случае, или быть может, и для всеобщего плана.“

Поднимался одно время вопрос о переходе чехословацких военных частей с Украины на Дон.

Проф. Масарик, предполагая послать туда для доверительных переговоров (в первой половине января 1918) своего представителя, давал ему следующие указания:

„Принципиально мы не против Дона; однако, у нас возникают сомнения ввиду отдаленности Дона от австрийско-германского фронта. Но, оставаясь на Украине, мы своим естественным давлением защищаем Дон, особенно, если придут поляки и соединятся с нами. Таким образом, мы даем возможность Дону консолидироваться“.

В декабре 1917 г., говоря о политическом положении чехословацкого движения, проф. Масарик коснулся

между прочим также и Казачества. „И, наконец, заявил он, надо сказать слово о казаках. Наши солдаты питают симпатии к казакам, а они к ним“. Дальше он рассматривает план соглашения и сотрудничества ч.-сл. национальной армии с казачьими войсками, как об этом упоминалось уже выше, и замечает: „Об этом теперь тоже нельзя говорить. Нам советовали продвигать наши войска на Дон. Кто полагал, что мы могли бы идти даже в Месопотамию, в Архангельск, на Мурман и т. д. Для того, чтобы уйти, нам нужны железные дороги не только для людей, но и для лошадей; нам нужны великие запасы провианта и т. д.“.

Переход ч.-сл. национальной армии под протекторат Франции, оккупация Украины немцами, а затем большевиками, принудили чехословаков эвакуироваться на Дальний Восток и проделать свою героическую „кабазу“ от Киева до Владивостока.

Если и в эти критические моменты ч.-сл. войска сохранили свою организацию, одолели большевизмской пропаганде, были боеспособными, — огромная заслуга принадлежит, несомненно, неопариваемому авторитету их вождя — проф. Масарика.

Эту статью можно закончить теми же словами какими она начинается. Угнетенные народы и земля могут лишь позавидовать счастью чехословацкого народа и том, что судьба ему даровала такого национального вождя в исторические моменты его жизни. В то же время все, кто борется за свое освобождение, а след., и Казачество может считать Т. Г. Масарика своим учителем, черпая в его произведениях указания на то, как и что нужно делать, чтобы скинуть чужое иго со своей родной Земли.

Санжа Балыков.

Неизвестный чех.

(Посвящается 80-летию юбилею Т. С. Масарика).

1916-й год... Ранняя осень... Был тихий, мягкий, предвечерний сумрак. Далеко, далеко, там, где небо сходится с землей, как пылающий горн, накаляя края железной громады черных туч, медленно заходило степенное солнце. Черное покрывало теплой, осенней ночи неуклонно надвигалось на напряженно затихшую степь.

Рослый, сухопарый, вороной дончак шустрой рысью катил по укатанной степной дорожке легкой, двухместный шарабан. Мой возница, австрияк, как мы называли тогда всех пленных, синеглазый, светлоусый мужчина, лет за тридцать, молчал рядом со мной и сосредоточенно сосал свою фарфоровую трубку с длинным, гнутым чубуком. Едкий дым крошеного самосада „оцемойки“ то и дело обдавал меня тошнотворной волной.

Я, тогда молодой казак, через три месяца выходящий в полк, уже чувствовал неприязнь к австрийцу и не находил нужным вступать с ним в разговор, а степь и без того располагает к молчанию, она успокаивает мысли, растворяет их в своей беспредельной шире. Но молчание прервал мой возница. Ломанным русским языком, стараясь быть больше понятным, заговорил он вдруг:

— Ты, пан, ест козак?

— Да, казак.

— Скоро пойдешь на война?

— Через три месяца, — и для большей убедительности я показал ему три пальца.

— О, то хорошо, будешь немца боювать, то добро!

— А ты не немец, ты — австрияк?

— Нет, не австрияк, не немец, я ест чех, знаш чех, русс, србиян, словак то ест едно, браты...

— Знаю, знаю...

— Ты слышал — продолжал разговаривавшийся пленный — русский царь, хочет из нас формувать чешски полки и, посылать на немца, так то буде добре, мы-б показал, какой ест чешский солдат...

— Слушай, — отвечал я ему, — так не может быть, как же ты пойдешь стрелять в своих: пошлешь вас в бой, а вы уйдете туда...

— Не, то не можно, чех не уйдет до немца, нас можно посылать на немца, чех буде немца боювать, то будет очень хорошо, мы-б показал, что такой чешский солдат, — повторял он.

— Ну, хорошо, ты будешь воевать против своих, против австрийцев и немцев, а потом, как ты пойдешь домой, там тебя понесут, — говорил я ему, делая вокруг шеи выразительный жест.

— Но так, мы будем жить в своей чешской стране, в своем королевстве, то мы не будем опять под австрийско... у нас будет свой король...

Так вот о чем он мечтает... вот за что он готов идти против австрийцев, — подумал я и заинтересовался, что из себя представляет эта Чехия.

— А может ваша Чехия сама жить?

— О, то може свободно, мы маме всего доста, — спокойно и уверенно отвечал он и начал подробно рассказывать про свой народ, про его право на самостоятельную жизнь, о его тогдашнем подневольном положении и т. д.

— А кто будет вашим королем, русский князь?

— То я не знаю, може русский, белкий княже, а то може быть як во Франции, знашь республика? То нам все едно, абы была наша... Ты слышал, у нас есть великий, мудрый человек Масарик, тен може добре уделять, тен може быть президент...

Такого имени, конечно, я не слышал и оно мне ничего тогда не говорило. Сумерки между тем сгустились, настала темная ночь. Добрый вороной незаметно покрыл десятиверстное расстояние и доставил нас до нужного пункта, откуда я должен был отпустить своего возницу обратно.

— Ну, так прощай козак, — проговорил мой чех, когда я слез у ворот экономии.

— Прощай, дай Бог, чтобы ты увидел свою Чехию, — ответил я ему.

— О, то спасибо, — сказал он, протягивая мне руку. Скоро и про этого случайного слушника и про разговор с ним я, конечно, забыл. Вспомнил я про не-

го, когда в 1919 году услышал впервые, что Чехия стала самостоятельным государством. Вспомнил я и имя, которое он называл, как возможного президента.

Прошло с тех пор 14 лет. Ни имени, ни лица того чеха не помню. Не знаю также, дожил ли он до момента, когда его братья стали драться против немцев и его родина стала свободной. В ту зиму среди пленных рабочих свирепствовал тиф. Может судьба так подстроила, что его кости лежат теперь на моей родине, в степях Задонья, а меня, его случайного собеседника, забросило на его родину, где мне прихо-

дится мечтать точно о том же, о чем и он тогда мечтал...

И теперь, когда вся Чехословакия празднует 80-ти летний юбилей своего первого президента, мне особенно ярко вспоминается тот тихий, осенний вечер, медленно погружающаяся в темноту бескрайная степь, бодрая рысь веровного дончака и ломаный говор неизвестного чеха, от которого впервые я услышал о параде чешском, имеющем право на свободную национальную жизнь и имя того, чей юбилей празднует сегодня чехословацкий народ.

Инж. В. Бейсуг.

Пессимизм и оптимизм в условиях нашей жизни.

Положение о том, что современная техника ведения войны и характер боевых действий предъявляют исключительно строгие требования к интеллектуальным качествам борцов, их выдержке, подготовке и т. д., применимо не только в военном деле. Современная жизнь в целом делается все сложнее и сложнее. Соответственно этому увеличивается и значение индивидуальных качеств человека. Современное поприще политическое, общественное, деятельность экономическая, хозяйственная и др. — все это требует от человека огромного запаса энергии, сил, выдержки, твердости характера, тренированной воли, большого образования. И горе тому, кто не поспевает за жизнью, кто отстает от нее. Беспощадная окружающая действительность стирает не только отдельных лиц, но и целые жизнеспособные массы. И может быть никогда столь сильно не выступало значение воспитания и врожденных качеств человека, как именно теперь. О первом погоним в другой раз, теперь же — об этих самых «врожденных» качествах.

Мы не намерены утруждать внимание читателя материалом из области современной психологии и физиологии, но хотим лишь поделить рядом мыслей о тех двух элементарных понятиях, которыми столь часто характеризуют людей, причисляя их к «оптимистам», или «пессимистам». Не будем давать научного определения этих двух понятий. Скажем просто: под пессимистами мы подразумеваем тех, кто видит все окружающее в мрачных цветах, сохраняя их и для своих прогнозов будущего; под оптимистами — тех, кому окружающее рисуется в тонах светлых и радужных, и кто переносит эту лучезарность и на чаемое будущее.

Оба вида восприятия окружающей жизни в значительной мере базируются на физиологических предпосылках и врожденных свойствах характера, в меньшей степени — зависят и видоизменяются под влиянием самой воспринимаемой жизни. И в том и другом случае они оказывают огромное влияние на действия человека и являются чрезвычайно важным фактором в определении и построении общественно-политических его воззрений.

Нас, конечно, в данный момент больше всего интересует, каким образом появляются оптимизм и пессимизм в условиях нашего времени, и как отражаются на современных настроениях казачества.

Границы, в которых варьируют эти настроения, чрезвычайно широки: от безнадёжного пессимизма до беззаботного оптимизма. Говоря объективно, нужно все же признать, что казачья эмиграция в массе и в результате долгих лет изгнания не потеряла надежд на лучшее будущее. Обратное скорее характеризует или отдельные личности, или небольшие группы, сломленные тяжелой эмигрантской жизнью и трудными материальными условиями. Их пессимизм, иногда безнадёжный, скорее уже порядка чисто физиологического: отчаяние людей голодных, безработных, закинутых в отдаленные уголки земного шара. Пытаться анализировать настроения таких людей, — вещь безнадёжная и бесполезная: соловья баснями не накормишь. Иное дело там, где представляется возможность объективного от-

ношения к окружающему и сознательного обращения с элементами пессимизма и оптимизма.

Второй десяток лет царствования большевиков и без малого 10 лет изгнания дают богатый материал для проявления пессимизма и оптимизма: кто смотрит на темную ночь, кто смотрит на яркие звезды. Ночь темна, спорить трудно. По всему белому свету разбросаны теперь казаки. Живется им всюду равно. В одних странах — невыносимо трудно, в других — более или менее сносно, особенно там, где братское отношение хозяина-народа дает к этому хорошие условия. Но все же в общем — трудно везде.

Если мы говорим иногда, что там то и там казаки живут хорошо, то это «хорошо» лишь относительное: в сравнении с другими местами, где слишком уж плохо. Настоящее «хорошо», измеренное масштабами нашего прежнего благополучия, составляет удел немногих. А ведь уткнуло уже столько лет, перепробовано столько возможностей, — от колонизации Перу до работы на заводах Франции включительно. Неудивительно рукам опуститься... И опускаются у многих.

А дома? Там столь же темно. Из-года в год ждем мы восхода там солнца, из-года в год ждем там какого то «чуда»: пройдет один год, думаем, — ну вот этот год то уж домой «поедем», но проходит и этот, и мы все сидим и никуда не едем. Много лет мы читаем о том, что «там» все уже дошло до крайних невыносимых пределов, что большевики «накануне краха», что хозяйственная разруха уже перешла в катастрофу. Но... пределы отодвигаются, накануне оказывается без завтра, разруха в катастрофу переходит, да никак не перейдет. Закрадывающийся в душу пессимизм порой кажется имеет все основания, чтоб перейти в пессимизм безнадежный.

А нет ничего более опасного, как именно такой безнадежный пессимизм. Он приводит к фатальному непротивлению аду, подтачивает не только духовные, но и физические силы человека. Из явления болезненного он может переходить в действительную болезнь — и душевную, и телесную. Будучи пропитан безнадежным пессимизмом, человек заживо выбывает из строя живых людей, он перестает быть способным к жизненной борьбе и к какой бы то ни было деятельности. А первый и главный залог успеха всякого дела: это твердая вера в успех.

Столь же пагубен и неразумный, легкомысленный оптимизм. Он легко приводит к ничего не сделанью: все, мол, само делается. «Там» — в один прекрасный день свершится чудо, переворот, и мы «поедем». Здесь — «столько лет с голоду не умерли, не умрем и дальше», «какнибудь проживем», «что там заботиться о завтрашнем дне...»

Крайности никогда к добру не ведут. Обыкновенно, чем ближе к краю, тем дальше от истины. Так же обстоит дело и с пессимизмом и оптимизмом. Те стекла, через которые человек уже от рождения смотрит на жизнь, изменить и сделать из черных белые, или из светлых темные, конечно, трудно. Все мы носим в себе семена известного врожденного пессимизма, или оптимизма. Но воздействовать и на эту сторону своего характера необходимо. Иначе угнаться за жизнью труд-